

Татьяна Ливанова

Штормит не только океаны...

Первая ласточка дружно спящей деревни чиркнула по нам с дочерью девятнадцать лет назад, когда мы сошли с майского ночного поезда на приволжском полустанке под Калязином, отправясь из Москвы к знакомым лошадиникам. Нас, увы, не встретили. До рассвета согривал костерок, ловко сбитый с тлеющим бревном посерединке добрым попутчиком. Увидел нас, растерянных, на безлюдной станции, молча костёр затеял, убедился, что греет, и утопал к себе на дачу. Прокричав вслед ему благодарные слова, мы, довольные, в тепле и щебетании коротали ночные часы. Под утро, откуда ни возьмись, всплыла в трепетный кружок тепла мокрая с ног до головы мужская фигура. Высокий, с жидкой бородёнкой, пришлый бормотал что-то про спасение кого-то упавшего в воду, тянул руки к теплу, попросился присесть у огонька. Мы с Машей – конечно, конечно! А сами, нервно переглянувшись, подхватили свои сумки и почти побежали куда-то в сторону.

В размётанных слабым рассветом сумерках увидели вблизи деревню, рванули туда, чтобы узнать, куда ноги направить. К неожиданному удивлению, она была сонно тиха и пуста. Стучать в ворота и окна не рискнули. «Деревня! В шесть утра спит? Хоть бы кто звякнул ведром, оказался на огороде! Или мыу-му-мы-мкнула бы корова. Ведь в стадо давно пора. Невероятно...».

Однако эти сбивчивые мысли отражали реальность: как же плохо знаю современную деревню! Хотя в типичность грустной действительности не верилось. Впрочем, так – и по сегодня. И всегда, все после-школьные городские годы, в неё тянуло... А теперь вот – на тебе, живи. Не коренная, да сердце кровью обливается при виде заброшенных деяний рук человеческих: оголённых храмов, сгнивших в глуши изб, останков крепких когда-то кирпичных сооружений... Также – ненужных, заболоченных и

закустаренных, в чертополоховых зарослях по конские уши пойменных лугов, зарастающих березняком и осинником полей. Под копытами – то и дело скрипуче взрываются пластиковые бутылки, скрежещет битое стекло, мешают ходу кочки и «перекаты» бытового хлама с кровельным шифером и железом, хлипкими остатками от домов, вывезенных после пожаров или слома. Торчат-топорщатся из травяных зарослей брёвна, как мачты затонувших кораблей. Стада коров – на многие десятки километров друг от дружки и те куцы. Хлебных полей окрест не видать. Есть только грядки со «вторым хлебом» – картошкой. Убирают картофелекопалкой, не тщательно – оставленные зеленеющие клубни виднеются там-сям. Да и какой спрос с уборщиков-школьников: они убирают-де для школьной столовой!

В прошлом героически-трудолюбивый деревенский люд – ныне скорее дачно-деревенский и почти сплошь безлошадный. Старички да старушки без обид вспоминают, как ладно работали в колхозах-совхозах, как вся земля была засеяна, а на укусы для собственной скотины оставались лишь обочины дорог да кочки в поймах. И вспыхивают у них светлячками памяти полувыцветшие глаза, оживают лица, молодит морщинки улыбка. Корова, а то и не одна – на каждом дворе. Собственное деревенское стадо пасли по очереди или сообща нанимали на сезон пастуха. Конюшня – в любой деревне. Бывало, возчиками ловко управлялись с гужевой силой и на пахоте, и на сенокосе, и на уборке урожая с полей и огородов.

За рекой тоже косили. Там сено стоговали, а по зимнику на санях перевозили в деревню. Теперь в тех местах только звериные тропы, охотничьи просторы да – для чего-то перекопанная, взлохмаченная – заброшенность с привкусом болотины. На бывшем песчаном «коровьем пляже» зарастающей реки располагаются отдыхальщики-купальщики, подгоняют оружие динамиками автомашины к самой воде и моют их тут же, где потом заходят в воду купаться. Рыбаки всё чаще уходят восвояси без улова: не клюёт! Да и червей-то для рыбалки почти негде накопать: в пустой земле поди-ка найди, а навозные кучи при повальном отсутствии домашней

скотины тоже не присутствуют. Разве с молочной фермы привезут КамАЗ-другой органики – и сразу перепашут под картошку...

И как-то подсознательно стали грызть-погрызть обидные домыслы, начали угасать, выпадать и теряться в картинах действительности аналогии с восприятием детства и произведений классической литературы и живописи – о деревне.

«Октябрь. Домотканово» – Стрелы.

Палитру пейзажей смело

Можно сравнить с Серовым.

Только... Но где же коровы?

Где пастушонок с собакой?!

Как бы нам не заплакать:

 Всё поросло былём,

 Сделалось пустырём,

 Замусорено, перерыто...

 И впрямь – «дырявое корыто»,

 Что пред старухой предстало,

 Царицей лишь стать пожелала.

Верю, что наверняка есть, где-то совсем в глубинке, открытый сельский люд, дружные соседи и типичные, по представлению, цветущие деревни. Но с протянутым асфальтом, с избами, изуродованными подслеповатыми евро-окнами, которыми всё смелее замещают весёленькие традиционные рамы-лики, с угнетающими деревенский антураж коттеджами за высоченными заборами идёт огораживание, отгораживание, отчуждение. Травой затянулись тропочки под окошками, а по посадам – с обеих сторон выросли заборы; калитки в них крепко замкнуты. Непрозрачные жестяные заборы, вместо пряслиц или жердевых, всё больше вырастают вокруг домов и вдоль земляных наделов. Постучавшегося в дом не приглашают войти: через окошко идёт общение или, в лучшем случае, хозяйка либо хозяин к входной двери спустится с так называемого «моста», соединяющего жилое помещение с горницей. Словом, всё другие грани – будто в неуклюже-

нелепом повороте избушки на курьих ножках... И грустнее стали
заквашиваться строки семилетней давности:

Раскрашены, как яйца пасхальные,
В разноцветье коттеджи, дома;
Светят окнами, не печальные,
Где забота хозяев видна.

И – заборы развалин крылистых:
Сломаны, сгнили вдрызг;
Остовы брёвен жилистых
Чернее чернильных брызг.

Забыты луга заросшие,
Еле ползёт вездеход...
А дачники прехорошие
Лишь – летом, один раз в год.

Поля урожаем не меряют.
Чем кормится наш народ?!
Своей землицы – немеряно,
А ешь заграничный «компот».

Так и течёт, и повторяется, и смело смотрит в будущее ежегодный цикл жизни совершенно летней деревенско-дачной публики. Зимовать остаются лишь в нескольких домах старожилы – крепкие семейные пары да одинокие старушки, а ещё обзавёдшиеся живностью приезжие, в основном из больших городов, бежавшие от прессинга повальной урбанизации. Хотя, в основе-то своей, не пропала извечная ценность: люди трудятся на земле. Не исчез человек для деревни!

А в последние два-три года, наконец-то, появился и большой благой сдвиг: распахать начали брошенные было, залежавшиеся и заросшие, закустаренные гектары земли. Новый толчок для развития сельского хозяйства?! Так и казалось бы, если б не небрежная, грубая перепашка... И не перепашка даже, а скорее – беспорядочный выворот землицы не по

прямой борозде, а как получится, сикось-накось, вот именно: шиворот навыворот. Поднятая «целина» предстаёт глазам как штормовой океан, точнее – «океан», застывший в своей разъярённой нелепости...

Правда, взялся народ за восстановление, укрепление своих деревенских родовых изб! Даже те, кто огорожанился поближе, чем в двух исконных столицах. Впрочем, от прежних строений в основном только тлен остаётся – строят на их месте новые дома и двух-трёх-этажные коттеджи. Не в упрёк владельцам, что приближают удобства в них к городским. Оборудуют водопровод и канализацию, окружают себя современной бытовой техникой во всех сферах – не только Internet, гаджеты и wi-fi, но и стиральные, посудомоечные машины, духовки, микроволновки, регуляция отопления помещений на расстоянии сотен километров. Транспорт – весьма модный: «джипы» в основном. Летом движение в деревне почти круглосуточное, будто автобан в неё переместился. Зимой – в выходные и по праздникам...

Возобновляют жизнь и выкупленных родовых усадеб своих предков-дворян их прогрессивные потомки. Уже не единичные, а потому перечислять имена не имеет смысла. Но – не умолчать об усадьбе в Воронино дворян Леонтьевых: с каскадами прудов, с аллеями липовой, берёзовой, лиственничной, с дальними-далёкими видами ландшафтов-заглядений... Умели в старину выбирать места для усадеб – воистину отдалённые от цивилизации, а потому, наверное, до сих пор необычайно красивые. Словом, жива ещё и держится в цене такая деревенская местность.

Вошли в моду эко-поселения: в глубинке либо на неудобьях обзаводятся содружества городских семей гектарами земли, делают дороги, строят дома в километре-двух друг от друга, ведут электричество, обихаживают свои наделы, заводят домашнюю скотину – в общем, перебираются жить на природу. Такова схема создания современных родовых гнёзд, например, в знакомом мне эко-поселении «Благодарное» – далеко за Татищев-Погостом. Просторно. За работой вовсе и не скучно, и

люди сплачиваются интересные. Укрепятся ли такие человеко-гнезда по обширной Руси-матушке, видно будет...

И у нас изменения. Мы уже более года назад покинули влажную низменную равнину при реке Которосли и живём в новом бревенчатом доме на высоком холме близ известной Поклонной горы, воспетой ещё в позапрошлом веке поэтом Некрасовым. Гора – на правом берегу древней реки Сары, напротив села Скнятиново, записанного с XIII века в летопись этой доледниковой холмистой местности. Красота отсюда на озеро Неро и прибрежный Ростов Великий открывается неопишуемая! Особенно вид древнейшего города Золотого кольца России поразил меня на верховых поездках на любимице Мануэлле зимними короткими днями, на закате и после него, уже в спускающейся ранней ночи:

Корона самоцветов
Переливается и дышит,
Как будто эстафету
Закат отдал ей пышный –

Прорезавшие сумерки
Огни Ростова ясные,
Что дорогие камушки
Царевича прекрасного!

Усмешлив Неро-старец:
Бездоньем отраженья
Хранит великий кладезь –
Глубоких тайн волненья...

Так – златы ль в нём ворота?
Иль – целый Китеж град!
Открыть обратный счёт бы,
Да где ж ключи лежат?

Потрясающ и солнечный весенне-летне-осенний вид с высших точек холмов на огромную голубую чашу озера с отражёнными в ней, как гордые

ладьи или лебеди, белоснежными храмами Спасо-Яковлевского и Авраамиевского монастырей да Ростовского кремля! На белеющие тут и там в дальних далях действующие храмы. На шатровые красного кирпича полуразрушенные и ещё не восстановленные или восстанавливаемые церкви... Красива Ростовская земля сама по себе, и тем более – увенчанная нетленными и пусть даже тленными прекрасными твореньями рук человеческих! И сколько ещё неосвоенного...

А пока – пережили затяжную весну 2017-го, снежный май, редко когда и кем виданный на день Победы в этих широтах, холодное дождливое лето... Буйные ветры дуют и дуют изо дня в день несколько лет уже, изводя людей и непереведённый ещё скот. Ненормальные зимы, то малоснежные, то заметающие избы выше окон в апреле; не такие благоухающие вёсны, как в моём и хотя бы ещё дочкином детстве; не те и «лета» пошли: раньше в конце мая уже купались всюю, а теперь половодье, или большая вода – вплоть по июль – мешает подойти по вязким илистым берегам искупаться в реках...

Ужасы экологии не только в неорганическом и растительном мире. Потрясена и зоосфера. Несколько лет уже ни с чем не сравнимое нашествие клещей, о котором мы, детвора 50-х, слыхом не слыхивали: безбоязненно бегали и валялись в траве, лазали по деревьям, а если и попадался клещ – ну, так это просто клещ! Стряхнёшь с одежды – и забыл... Теперь же – почти сплошь энцефалитные или каждый шестой страшен также смертельным боррелиозом; смертелен и пироплазмоз у собак, если не лечить вовремя.

Чередование погоды через день пасмурно-дождь-ветрище – солнечно-жарко-ветрище удивляет и настораживает. Развивается устойчивая депрессия у людей. Надуло ветрами перемен?! Что случилось с нами? Разделение даже в маленькой деревеньке «по рангам» кармана. Полным «кармашкам» плевать на остальных – с барским пафосом кидают ожерелья мусора заоколичным и придорожным красотам, везут полными кузовами куда «подальше» – в леса, поля почти «за так», ибо вывоз на утилизационные полигоны стоит денег. Откуда они у местных миллионеров, особенно у миллиардеров?! А «за

копейки» они развращают подмятых под себя услужливых водил-частников, грузчиков, молчаливое население. «Ожерелья» достигают немислимых размеров, и красоты природы вянут, меркнут в их тисках... Пока не вздыбится, не восстанет Царица-Природа против человека, «царя» природы, высасывающего её недра и пожирающего нектар её поверхности. И тогда, в очередные катаклизмы, непроизвольно вырывается восклицание: «А король-то (царь природы...) голый!».

Оглядывая и обобщая всё окружающее меня в миниатюре, изучая увиденное как мир – в капле росы, я и сейчас, словно в детстве, живу сразу в нескольких измерениях: в настоящем – и тут же в прошлом, своём собственном бытии и – от времён «царя Гороха», в невероятных снах и – в творческих омурах. С упоением живу каждодневной жизнью и жизнью выдуманной, жизнью в грёзах. Но когда реально соединяются настоящее с прошлым – вот они: сны и явь, мечты и воплощение их, а через это – и единение с будущим, то... Это окрыляет. И поднимает над сиюминутной будничностью и непостижимой бездной, и несёт в дали необъятные, и малое становится большим, а далёкое – близким. Как в недавних поездках в родные края, давших возможность спустя почти сорок лет встретиться с былым, погостить в прошлом и повидаться с однокашниками в настоящем.

Я смотрю, смотрю из дома, с крылечка, с конского седла, из окна автомобиля, сидя за рулём, на родную землю окрест, и мысли мои роятся то по спирали годовых кругов, то разматываются в длинную-предлинную ленту лет, окунаясь во мгновение ока в прошлое и будущее одновременно. Много невысказанного, много нового, много очевидного и невероятного...

Лето-осень 2017